

«ТОВАРИЩ ДУХОВНАЯ ЛЮДМИЛА СЕМЕНОВНА, СТУДЕНТКА АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ИНСТИТУТА ИМ. М. А. АЛИЕВА, НАПРАВЛЯЕТСЯ ЦК ЛКСМ АЗЕРБАЙДЖАНА В СОСТАВЕ ЦЕЛИННОГО КОМСОМОЛЬСКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ОТРЯДА ДЛЯ УЧАСТИЯ В СЕЛЬСКОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ И ВЕДЕНИЯ ШЕФСКОЙ РАБОТЫ».

(Из комсомольской путевки).

ОЧЕРК

НОВЕЙШИЙ УСКОРИТЕЛЬ

В ЕЧЕРОМ — седьмого июля 1964 года вокзал был переполнен. Их провожали комсомольские работники, журналисты, кое-кого — родители. Телерепортеры, снимавшие их «на кино» для очередного выпуска новостей, даже не захватили с собой света. А ровно в шесть командир сводного межвузовского отряда Кулиев Джафар рапортовал, что триста пятьдесят бакинских студентов к отправке на целину готовы. В тот самый год, когда в Казахстане работали студенты Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Тбилиси — тридцать девяти городов страны, они выехали на целину во второй раз.

Поезд их шел на правах литерного. «Его пропускали вне графика. Таков был приказ.

В Есиле пересели на боковую ветку, чтобы пройти последний перегон до Аркалыка. Потом рельсы кончились и ехать стало некуда. Это была целина. Интересующиеся знали только, что среднегодовая температура в этих районах колеблется от +0,4 на севере до +4,3 на юге. И все. «Нюансы» стали проявляться потом. «Самое трудное — ставить углы, — писал в своем дневнике поэт Чингиз Али оглы, работавший в отряде АЗИ-НЕФТЕХИМА. — Это нужно делать ровно, четко, и справляется с этим пока только наш бригадир Жора Кырмаза. Причем, без отвеса, на глаз. Трое ведут кладку, а Хасан Кадым из Ирака, Сарраф и я — на «подсобке». Таскаем шлакоблок, кирпич, готовим раствор. Мила Духовная шилфует швы между рядами...». Диапазон возможностей на целине широк. Ей предлагали стать пионервожатой в лагере «спутников». Отказалась. Хотелось работать «конкретно». Вечерами, снимая рукавицы, она дула на кроватные волдыри. Утром, перебинтовав ладони, снова натягивала рукавицы.

А в сентябре из Петропавловска пришла радостная весть. Бакинские студенты вышли на первое место, обогнав в соревновании такие «вузовские» города, как Тбилиси, Ростов, Казань, Томск. Лидировали бакинцы не только по производственным показателям. Они вели большую шефскую работу. Местная пресса писала: «Песни опережают машину, мчащуюся из совхоза на отделение, полевые станы. Песни дают знать, что едет агитбригада. Поют здесь все — Миша Айвазов, Афлатун Нейматов, Валя Кочеткова и Люда Духовная». Почетная грамота Мамлютского совхозно-колхозного производственного

управления свидетельствовала, что «тов. ДУХОВНАЯ Людмила награждается за активное участие в художественной самодеятельности, за ударный труд на Целинной стройке и активное участие в общественной жизни Налобинского совхоза». Это была первая. Потом «за активное участие» второкурсницу театрального института награждали:

18 сентября — трест совхозстрой № 15 Главцелинстрой,

27 октября — БК ЛКСМ Азербайджана,

9 ноября — ЦК ЛКСМ Азербайджана.

«Активное участие» запечатлелось на нескольких фотографиях. На одной — ободранная, перепачканная «Милка из театрального» в развевающейся косынке и в сапогах мчится на мотоцикле. На другой — по локти в глине, она замешивает ее с соломой, готовя кирпичи для телятника. А вот она уже в обществе пяти целинников в таком же заляпанном ватнике шагает по целинной земле. Это бригада плотников. В «активное участие» входила и расписка о получении вермишели, риса, лука сушеного, гречки, сухофруктов и томатной пасты, выданная завхозу Налобинского отряда О. Мамедову. Тогда она покинула на полмесяца Налобино с бригадой из восьми каменщиков. Жили в сельской школе. Ребята строили, Мила занималась кулинарией...

УТРОМ ЧЕРЕЗ щель в дощатой двери сеновала просунулось тонкое лезвие света. И верткий зайчик, сканув по лицу, унездылся на носу. Щекочет. Ей так легко и просто. «Я такая счастливая!», — кричит она и просыпается. «Я такая счастливая!», — повторяет она уже по тексту. Потому что теперь Мила — это обаятельная двадцатилетняя Жульетта из комедии Ж. Ануя «Бал воров» и Людмила Духовная, актриса и заместитель секретаря комитета комсомола Государственного русского драматического театра имени Самеда Вургуня...

Общепризнанно, что целина быстро «старит» человека, вгоняя его душу в форсированный режим. По свидетельству студентов, можно проучиться в одной группе и два, и три года, даже окончив вуз, так и не узнав толком друг друга. На целине инерционный процесс «узнавания» сильно ускоряется. Они как бы сразу вместе стареют, подобно космонавтам, летящим в одном корабле с околосветной скоростью и опережающим земное время. Именно здесь человек зреет как личность, еще в студен-

ческие годы начинала мыслить «государственно». Именно целина вывела многих вчерашних студентов на ключевые посты современных производств.

Но так ли уж узконаправленно действие целины, что воспитывает она людей лишь для материального производства; или цель ее много шире — выработать особый душевный сопромат, который в дальнейшем сможет стать кредо творческого человека?

Пытаясь ответить на этот вопрос, я пошел по следам двадцатилетней студентки Азербайджанского государственного театрального института, выезжавшей в составе агитбригады второго Бакинского целинного отряда на стройки Северного Казахстана шесть лет назад. А рассказать о ней я хочу на материале сегодняшнего дня.

МЫ СИДИМ в редакции. Болтаем, кажется, обо всем на свете. О театре, о целине, о философии «хиппи». Она смотрит, как я вычитываю гранки (готовится номер), и чувствую, старается втиснуть новые впечатления в пока размытый образ журналистки из их будущего спектакля. Спектакля пока нет, но работа над ним уже идет. В типографии — она с благоговением смотрит, как «выпекается» газета, клянит у метранпажа оттиск страницы завтрашнего номера.

А после спектакля мы бродим по вечерним улицам.

— Знаешь, — говорит мне Мила, — весь этот хаос улыбок, огня, машин, приветов уже не кажется мне неразберихой и водоворотом. Помнишь «Новейший ускоритель» Уэллса? — (она любит фантастику). — Человек, принявший его, видит жизнь в дико замедленном темпе. А сам летит так, что от трения о воздух у него обугливается одежда. Мне кажется, что сцена — это и есть «новейший ускоритель». Во всяком случае, для меня. Вот мы с тобой говорим, ты просишь рассказать о целине. А я еще не отошла от сцены. И мозги — как выжатый лимон...

Я спрашиваю ее, почему она пришла в театр, что осталось в ее характере от целины и не является ли последняя, по ее мнению, тоже «новейшим ускорителем».

— Вообще-то это — мысль, но вас, журналистов, вечно тянет на параллели. Если честно, от целины я ожидала гораздо меньшего. А столько узнала. И думаю еще, что Казахстан на всю жизнь вытеснил из меня равнодушие, если оно было... Почему я на сцене? Знаешь, мне нравятся определенные типы людей и мне всегда хотелось их сыграть. И, опять же, сцена вытесняет равнодушие. Ты сейчас спросишь, не продолжение ли это целины. Пусть так. Хотя, сказать откровенно, я об этом не думала.

«Равнодушие растет медленно, но необратимо, как раковая опухоль, — писал когда-то Паустовский. — Жизнь в сознании равнодушного быстро вянет, сеерет, огромные ее пласты отмирают...». А сцена и в самом деле не оставляет для него места. Я это видел в Миле. Здесь она как бы оттаивает от повседневной жизни с ее будничным полунакалом и не всегда яркими красками. На сцене все наоборот. Спрессованная в спектакль, в характер героя, жизнь ярка, остра, динамична. В два часа здесь проходят годы. И кажется, что они уже ею прожиты. А личные неприятности кажутся ей такими мелкими, что и вспоминать о них не стоит, не то чтобы уж говорить. А может быть, это и есть то, что у радистов называют «почерком», а у писателей «стилем»?

Вот Божена — секретарша директора из «Часа пик» Ежи Ставнинского. Обычное представление о ней таково: взбалмошная девчонка с самолюбием, не всегда заду-

мывающаяся над происхождением. Весь ее духовный арсенал как бы уместается в реплике: «Жизнь нелегка, если ты одинока и красива».

Но приглядишься, и увидишь, что у Милы Божена с «двойным дном» и не сразу уловимой сверхзадачей. Забрав все воображение актрисы, она теперь не так уж проста, эта секретарша директора. Когда оказывается, что у шефа рак (и от этого, соответственно, душевная травма, выведшая его на «час пик» — время, заставляющее ответить: кто ты и что ты на этой земле), тон реплик Божены меняется. Развязность слетает с нее, как шелуха с лука. Она предупредительна, серьезна, хотя и не знает пока, что произошло с шефом. А когда выясняется, что у директора не рак, а язва желудка и он снова властен над своим «часом», она так же быстро перевоплощается в ту Божену-секретаршу, какой ее нарисовал себе директор.

В «Бале воров» Мила другая. Это самая крупная роль ее в нынешнем репертуаре — Жульетта в пьесе Ж. Ануя. Мне доводилось видеть разную Жульетту. Хорошую — обаятельную и наивную и плохую — подвирную уже на первых шагах, идущую по пути наименьшего логического сопротивления. Это комедия, и здесь ей, по-видимому, трудновато развернуться. Прямо она мне этого не говорит, но, если приглядеться, можно понять и так. Правда, утверждать боюсь, потому что работа на сцене не поддается категорическим оценкам.

Зная, что успех — это служебный случай, она хочет хорошо и много работать. Иногда ленится, но это уже — «пунктик» характера. Каждая новая роль порождает у нее массу вопросов, которые поначалу даже трудно уложить в какую-то одну логическую связку. Порой ей не хватает ассоциаций, и она «не видит» своего героя. Тогда (выражаясь по бухгалтерски), чтобы ликвидировать «пассив», она живет рядом с героем, его жизнью. Готовя свою Ленку — практикантку журфака, Мила подолгу сидит у нас в редакции.

Она прекрасно знает, что сцена всегда утрирует реальность, до гротеска усиливая простые, казалось бы, вещи и эмоции. Иначе они «не кушаются» зрителем. Если на сцене рвут зуб, то как чеку из гранаты. И зритель, понимая условность происходящего, принимает ее и весь театр с его бесконечной бутафорией. Тянется к живому общению с актером, чего не позволяет ему ни кино, ни телеэкран.

Я попытался нарисовать себе то, что Мила проводит в емкие минуты сценической жизни. Конечно, естественно вопрос: а где режиссерская трактовка и нет ли здесь конфликта? Конфликта нет. Просто Миле хочется действовать в соответствии с собственным анализом, и в известной степени ей эта возможность предоставляется. Замечательный советский режиссер Юрий Александрович Завадский говорил, что в его понимании идеал режиссера это где-то человек Ренессанса. Но ведь тогда им должен быть и актер, как чрезвычайный и полномочный представитель режиссера на сцене.

ВОТ И ВСЕ. Не знаю, насколько четко мне удалось свести воедино два периода в жизни Людмилы Духовной. Сама она этого не пыталась делать. Целина давно кончилась (она бережно хранит вырезки, трамоты и несколько фотографий), театр продолжается, и это — по-жизненно. Но одно я знаю точно — темп, заданный Северным Казахстаном, она выдерживает, разгоняя иногда себя настолько, что кажется, будто от трения о воздух обугливается одежда.

Н. ДАВЫДОВ.